

В диссертационный совет НИУ ВШЭ
по филологии и лингвистике

Отзыв члена Комитета

Орехова Бориса Валерьевича, канд. филол. наук

на диссертацию Скоринкина Даниила Андреевича
на тему: «Семантическая разметка художественных текстов для
количественных исследований в филологии (на примере романа «Война и
мир» Л. Н. Толстого)», представленную на соискание ученой степени
кандидата филологических наук НИУ ВШЭ

Диссертация Даниила Андреевича Скоринкина представляет собой увлекательное научное сочинение, посвященное применению некоторых точных методов (стилеметрия, сетевой анализ) в литературоведческом анализе художественного текста. Семантическая разметка, фигурирующая в начале формулировки темы, в действительности занимает в структуре работы подчиненное положение, а главное внимание отдано далеко отстоящему от нее следствию — результатам количественного исследования текста «Войны и мира».

Главные вопросы, которые должен ставить перед собой и желательно решать (по крайней мере, в рамках своей научной стратегии) привлекающий количественные методы к анализу художественной литературы исследователь, выглядят следующим образом.

Во-первых, необходимо ответить на вопрос, есть ли необходимость обращаться к нетрадиционным научным инструментам там, где уже была сформирована почтенная традиция, предполагающая другое существо подхода к исследуемому объекту. Иными словами, сможем ли мы благодаря этим инструментам извлечь принципиально новое научное знание.

Д. А. Скоринкин этим вопросом в тексте диссертации не задается. Но не потому что упускает значимость этого вопроса, а потому что с самого начала переформулирует его, показывая (во введении к работе в целом и далее в релевантных параграфах), что применение точных методов — это тоже почтенная и сформировавшаяся далеко не вчера научная традиция со своими аксиомами и авторитетами, к которой можно и нужно относиться с соответствующим вниманием. Тщательно вписывая свой труд в контуры цифровых гуманитарных исследований (см., например, § 1.2 «Компьютерное моделирование системы персонажей»), автор избавляет себя от имиджа

нарушителя спокойствия и одновременно демонстрирует свою научную зрелость и остроту панорамного междисциплинарного зрения.

Во-вторых, важно убедиться, что все исследовательские вопросы сформулированы корректно с точки зрения предметного поля и его научного языка (ср. классический постулат Б. И. Ярхо: «Ни один математический акт не должен совершаться, пока в него не будет вложен конкретный литературоведческий смысл»).

В этом смысле, как мне представляется, в диссертации всё в порядке. Объемные параграфы с обзором эволюции литературоведческих подходов к проблеме персонажей, повествования, отчасти — жанра (см., например, раздел «Модель персонажа в традиционном литературоведении»), демонстрируют хорошее понимание диссертантом языка предметного поля и учет той сетки координат, в которой существуют литературоведы, занимающиеся медленным герменевтическим чтением художественного произведения.

Наконец, в-третьих, существенно осознать, как происходит интерпретация полученных результатов, насколько внятным получается процесс перевода одного типа информации (результатов количественного описания) в другой (выводы о внутреннем устройстве анализируемого объекта).

Текст диссертации демонстрирует осознанность этого процесса для автора. Так, интерпретируя сети, построенные на всём тексте романа, Д. А. Скоринкин пишет: «Сжатие произведения такого масштаба в одну статичную сеть неизбежно приводит к наложению информации из разных временных отрезков» (с. 84). Это, на мой взгляд, одно из свидетельств важной при таком подходе к художественному тексту постоянной рефлексии над тем, как получившаяся модель соотносится со своим исходным материалом.

Такие свидетельства, тем не менее, не доминируют в тексте, и не заслоняют собой основное содержание работы, иногда и вовсе оставаясь за рамками наличного текста. Так, говоря, что «в ходе иерархической кластеризации Андрей Болконский был отнесен к кластеру главных персонажей. В то же время метод главных компонент показывает, что князь Андрей находится на периферии группы протагонистов» (с. 62), автор не дает полной уверенности, что он и читатель сойдутся во мнениях, о том, что в данном случае отражает эта «периферия» и что это вообще должно означать в контексте моделирования романа.

Работа написана прекрасным языком, имеет прозрачную структуру и устойчивую архитектуру. Аргументированность каждого положения уместна и достаточна. Вводимые термины объяснены доступно и последовательно, что особенно важно для междисциплинарного исследования. Единственное, насколько я могу судить, отступление от этого правила — анализ временных рядов в § 3.2.4. Это понятие и сопутствующий

ему термин («цикл») вводится, но никак не объясняются их специфика и роль в аналитических операциях.

Научный уровень работы, по большому счету, не оставляет поля для серьезных критических замечаний. Однако в диссертации всё же есть ряд досадных мелких неточностей, на которые, возможно, я бы не стал обращать внимания, если бы было, с чем поспорить по существу. По странному совпадению большинство таких неточных формулировок в целом верных утверждений локализуется на стр. 15 диссертации.

Так, не слишком удачным представляется термин «докомпьютерное литературоведение» (см.: «В этом разделе мы показываем, как идеи докомпьютерного литературоведения актуализируются в современных практиках компьютерного анализа персонажа (системы персонажей)», с. 15). Такое название для традиционного герменевтического подхода к тексту имплицитно подразумевает стадильность, то есть такую модель истории науки, при которой некомпьютерное литературоведение в ходе исторического развития замещается компьютерным. Кажется, что пока ничего подобного не происходит, разные подходы к художественному тексту сосуществуют и, скорее всего, будут сосуществовать в будущем.

Д. А. Скоринкин пишет: «Технике создания конкретных персонажей по общему набору признаков посвящена глава “Характеры” в “Поэтике” Аристотеля» (с. 15). Однако специфика этого текста такова, что в «Поэтике» не было и не могло быть глав и тем более их названий. Если для изданий некоторых других произведений античной культуры редакторское членение на главы, разделы, песни можно считать вполне устоявшимся (как, например, устоялось произведенное александрийскими филологами членение гомеровских поэм), то в отношении темной для понимания и крайне запутанной в разных отношениях «Поэтики» ничего подобного не произошло, названия частей в тексте Аристотеля не конвенциональны, и «Характеры» — это заголовок, присвоенный соответствующему «разделу» переводчиком, М. Л. Гаспаровым. К тексту «Поэтики» диссертант обращается на созданном мной электронном ресурсе, так что, вроде бы, может вернуть мне высказанную претензию, но на сайте, на который ведет библиографическая ссылка, ясно видно, что редакторские угловые скобки вокруг слова «Характеры» сохранены и явно указывают на неавторское вмешательство в текст. Другие приведенные на сайте издания этого «названия» не содержат.

Такого же рода мелкая придирка может быть сделана и к следующей формулировке: «Понимание художественного персонажа как типового объекта с набором параметров (фактически — модели) возникло уже в античной филологии» (с. 15). Далее это положение конкретизируется и из следующего текста ясно, что под античными филологами имеются в виду как минимум Аристотель и Гораций. Так как строгого определения филологии не

существует, приходится опираться на академический узус, в котором ни Аристотеля, ни Горация филологами традиционно не называют. Античная филология, как следует из научной традиции, это (издательская) критика текста (в современных терминах — текстология), возникшая в Александрийской библиотеке. Ср. название книги В. В. Файера «Рождение филологии. “Илиада” в Александрийской библиотеке» (2013). А в силу неумолимых исторических обстоятельств то, что возникло в *Александрийской библиотеке*, не могло характеризовать Аристотеля.

Не вполне аккуратной представляется попытка выделить «Войну и мир» из жанрового ряда романа: «Книга “Война и мир” отличается от современного ей европейского романа, не укладываясь в границы жанра» (с. 38). И дело тут не в том, что на самом деле «Война и мир» какое-то традиционное произведение, ничем не отличающееся от остальных романских опытов середины и второй половины XIX века. Разумеется, это не так, по сути диссертант развивает правильную идею. Проблема именно в формулировке. Приводимые автором работы аргументы подчеркивают разницу между «Войной и миром» и жанром романа, но в этой аргументации теряется сложный статус самого понятия «роман» в литературной теории. Вопрос о том, является ли роман жанром, остается дискуссионным, и дискуссия эта начинается задолго до Толстого, как минимум, со статьи С. П. Шевырева 1831 года. До сих пор существуют следующие за русским критиком научные школы (см. работы В. Д. Днепров), для которых частное в разных «пучках» жанрообразующих признаков оказывается важнее общего, и они констатируют невозможность постулирования одного жанра романа, выделяя его в специальный, не учтенный Гегелем, четвертый род литературы. При всей экстравагантности подобных теоретических построений они указывают на главное — никакого «прототипического романа», на который принципиально похожа или не похожа книга Толстого, не существовало. В силу антитрадиционности мышления литератора эпохи Нового времени он обязательно постарается сделать свой текст в чем-то не похожим на свой читательский опыт.

В ряде мест диссертации хочется уточнить, что (опять-таки) справедливые формулировки по своей области действия могли бы быть расширены. Например, Д. А. Скоринкин утверждает, что «прямая речь оказывается подходящим объектом для количественного исследования: в классическом (домодернистском) романе реплики героев не смешиваются с авторским нарративом, у них практически всегда есть однозначные границы, позволяющие осуществить разметку» (с. 49). Это верно, но касается это не только романа, а практически любого домодернистского повествовательного жанра, включая, например, древнерусские летописи.

Работа выполнена крайне аккуратно и с формально-технической стороны: в ней почти нет опечаток, что само по себе не столь информативно

при оценке научного качества текста, но косвенно свидетельствует о его проработанности автором на разных уровнях. Немногие случаи исключений: «такая разметка может быть использована *потворно*» (с. 38), «строится на извлечения из текста» (с. 71), «можно построить алгоритм, которые предсказывает границы» (с. 76).

Сказанное должно быть резюмировано как положительная (и даже более, чем положительная) оценка диссертации Д. А. Скоринкина. Считаю, что перед нами достойное, зрелое и научно ценное сочинение, которое вызывает к диалогу, который я постараюсь инициировать следующими уточняющими вопросами.

1. Я хотел бы спросить, приходилось ли при разметке речи персонажей сталкиваться с дуальными случаями, при которых реплику нельзя с определенностью атрибутировать кому-то из действующих в повествовании лиц? Этот мелкий аспект разметки не был освещен в диссертации, между тем любой ответ на мой вопрос может служить важной характеристикой стиля романиста.

2. Когда диссертант пишет, что для построения одной из сетей использовались «однозначно идентифицированные именованные персонажи, которые хотя бы раз встретились в одном предложении с другим идентифицированным персонажем» (с. 77), хочется уточнить, разграничивались ли при этом речь автора и речь персонажей, ведь необходимость их разграничения автор убедительно аргументировал в предыдущей главе. Имеется в виду, что сеть можно было бы построить только на тексте от повествователя, не привлекая к этому реплики персонажей.

3. На стр. 57 автор оценивает результаты кластеризации «на глаз», высказывая интуитивную оценку их качества. В работе, в которой используются точные методы, это допустимо, но выглядит стилистически инородно. Можно ли было применить здесь количественную оценку, например, V-measure или Rand index?

Диссертация Д. А. Скоринкина по обоснованности сформулированных в ней научных положений, по их достоверности, новизне и ряду других общенаучных показателей является работой исключительно высокого уровня, соответствует всем необходимым требованиям, а сам Д. А. Скоринкин заслуживает присвоения ученой степени кандидата филологических наук НИУ ВШЭ.

Орехов Борис Валерьевич
Кандидат филологических наук

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
Должность: доцент Школы лингвистики

Адрес электронной почты: nevmenandr@gmail.com

Подпись
4.2.2019